

© Gasper Tringale

Романы Джоди Пиколт уже давно уверенно занимают верхние строчки в списках бестселлеров по версии *The New York Times*. Непревзойденный мастер пера, Пиколт каждый раз рассказывает новые истории, которые покоряют миллионы читателей в 35 странах мира. Ее романы дали жизнь четырем успешным кинофильмам, в которых снялись известные голливудские актеры. Выпустив на сегодняшний день уже 19 романов, автор не собирается останавливаться на достигнутом!

Это история о справедливости, мести и искуплении. Что важнее: возмездие или... умение прощать?

Девяностопятилетнего учителя из Нью-Хэмпшира обвиняют в военных преступлениях. Правда ли это?

USA Today

Очень сильный и захватывающий роман, в котором неотразимая Пиколт по-новому раскрывает тему холокоста.

Booklist

Если и есть автор, чья откровенность может обогреть огромный особняк, то это Джоди Пиколт.

EXPRESS

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-2829-5

9 785991 028295

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-6791-9

9 789661 467919

ДЖОДИ ПИКОЛТ

Уроки милосердия

ГРЕХИ НЕ ИМЕЮТ СРОКА ДАВНОСТИ

ДЖОДИ ПИКОЛТ

Уроки милосердия

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

ДЖОДИ
ПИКОЛТ

JODI
PICOULT

THE
STORYTELLER

A Novel

ДЖОДИ ПИКОЛТ

УРОКИ МИЛОСЕРДИЯ

Роман

УДК 821.111(73)
ББК 84.7СПА
ПЗ2

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Впервые опубликовано Pocket Books,
подразделение Simon & Schuster Inc

Переведено по изданию:
Picoult J. The storyteller : A Novel / Jodi Picoult. —
Atria/Emily Bestler Books, 2013. — 462 p.

Перевод с английского *Инны Паненко*

Дизайнер обложки *Наталья Переходенко*

ISBN 978-966-14-6791-9 (Украина)
ISBN 978-5-9910-2829-5 (Россия)
ISBN 978-1-4391-0276-3 (англ.)

- © Jodi Picoult, 2013
- © Shutterstock.com / Serg Zastavkin, обложка, 2014
- © DepositPhotos.com / Ane-gada, tpzjl, обложка, 2014
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2014
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2014

Сюжет романа — художественный вымысел. Исторические события, имена действительно живших людей и названия реально существующих мест упоминаются сознательно. Остальные имена, герои, места и события являются плодом авторского воображения.

*Посвящается моей маме, Джейн Пиколт.
За то, что ты научила меня,
что в жизни нет ничего дороже семьи.
И потому что спустя двадцать лет
опять настала твоя очередь*

Отец заранее обсуждал со мной все детали своих похорон.

— Аня, — говорил он, — никакого виски на похоронах. Хочу самое лучшее вино из черной смородины. И запомни, никаких слез. Только танцы. А когда меня опустят в землю, хочу, чтобы трубили фанфары и выпустили белых бабочек.

Вот такой человек мой отец. Он был сельским пекарем, и каждый день помимо буханок хлеба для продажи выпекал одну-единственную булочку для меня — единственную в своем роде и невероятно вкусную: в форме короны принцессы, с корицей и великолепным шоколадом. Он уверял, что секретный ингредиент — это отцовская любовь, поэтому его булочка — самое вкусное, что мне доводилось пробовать.

Мы жили на окраине деревушки настолько маленькой, что все знали друг друга по именам. Стены нашего дома были сложены из речного камня, крыша из соломы, а жара от печи, в которой отец выпекал караваи, хватало, чтобы обогреть весь дом. Я обычно сидела за кухонным столом, чистила горох, который сама же выращивала на небольшом огороде за домом, а отец открывал заслонку каменной печи и засовывал туда пекарскую лопату, чтобы достать круглые хрустящие хлеба. Свет тлеющих красных угольков подчеркивал очертания его крепкой спины под взмокнувшей от пота рубашкой.

— Не хочу, чтобы меня хоронили летом, Аня, — говорил он. — Сделай так, чтобы я умер, когда похолодает и будет дуть приятный ветерок. До того как птицы улетят на юг, чтобы они могли спеть для меня.

Я делала вид, что записываю все его пожелания. И меня совершенно не смущали разговоры о смерти: для меня отец был

таким сильным и крепким, что не верилось, что когда-либо придется исполнить хотя бы один из его заветов. Некоторые жители деревушки находили наши отношения с отцом странными: разве можно шутить такими вещами! Но мама моя умерла, когда я была еще крохой, и мы с папой остались одни.

Неприятности начались, когда мне исполнилось восемнадцать. Сперва стали поступать жалобы от фермеров: они приходили покормить цыплят, а обнаруживали только окровавленные перья либо теленка со вспоротым брюхом, вокруг туши которого уже роились мухи.

— Лиса, — сказал Барух Бейлер, сборщик податей, который жил у деревенской площади в особняке, походившем на драгоценный камень на шее у королевской особы. — Или дикая кошка. Платите, сколько должны, в обмен будете в безопасности.

Однажды он пришел в наш дом, когда мы его совсем не ждали, — я хочу сказать, что мы не успели забаррикадировать дверь, потушить огонь и сделать вид, что нас нет дома. Мой отец делал хлеб в форме сердца, как всегда в мой день рождения, поэтому весь поселок знал, что сегодня особенный день. Барух Бейлер величаво зашел в кухню, поднял свою трость с золотым набалдашником и стукнул ею по столу. Поднялось облако мучной пыли, а когда пыль улеглась, я посмотрела на тесто в папиных руках, на это разбитое сердце.

— Пожалуйста, — произнес отец, который никогда никого не просил. — Я знаю, что обещал. Но дела идут неважно. Если вы дадите мне немного времени...

— Ты не выполняешь своих обязательств, Эмиль, — ответил Бейлер. — Я накладываю арест на эту конуру. — Он нагнулся ближе. Впервые в жизни мне перестало казаться, что отец несокрушим. — Но поскольку я щедрый и великодушный человек, то даю тебе срок до конца этой недели. Если не принесешь денег... даже не знаю, что будет. — Он поднял трость и обхватил ее руками, как оружие. — В последнее время происходит столько... несчастий.

— Вот поэтому у нас так мало покупателей, — негромко сказала я. — Люди боятся ходить на рынок из-за обитающего в окрестностях зверя.

Барух Бейлер повернулся, как будто только сейчас заметил мое присутствие. Взглядом ошупал меня с ног до головы — от черных волос, заплетенных в косичку, до кожаных ботинок, дыры на которых были залатаны толстой фланелью. От его взгляда по моему телу пробежала дрожь, совсем не похожая на ту, которая охватывала меня под взглядом Дамиана, капитана караула, когда он смотрел, как я иду по сельской площади, — как кот на сметану. Нет, в этом взгляде читалась корысть. Складывалось впечатление, что Барух Бейлер пытается прикинуть, сколько за меня можно выручить.

Он протянул руку поверх моего плеча к решетке, где остывал недавно испеченный хлеб, выдернул одну буханку в форме сердца и сунул себе подмышку.

— Залог, — сказал он и вышел из дома, оставив дверь широко распахнутой просто потому, что мог себе это позволить.

Отец посмотрел ему вслед. Пожал плечами. Взял очередной комок теста и принялся лепить.

— Не обращай внимания. Он лишь маленький человечешка, который отбрасывает большую тень. Однажды я станцию джигу на его могиле. — Отец повернулся ко мне, его лицо смягчила улыбка. — Он натолкнул меня на мысль, Аня. Я хочу, чтобы на моих похоронах была процессия. Сначала дети, разбрасывающие лепестки роз. Потом самые красивые девушки с зонтиками, похожими на оранжерейные цветы. Потом, разумеется, мой катафалк, запряженный четверью — нет! — пятью белоснежными лошадьми. И наконец, мне хотелось бы, чтобы процессию замыкал Барух Бейлер и убирал навоз. — Он запрокинул голову и засмеялся. — Если, конечно же, он первым не умрет. И чем скорее, тем лучше.

Отец обсуждал со мной детали своих похорон... но в конечном счете я опоздала.

ЧАСТЬ I

Трудно представить, что кто-то вдруг перестал считать другого человека человеком. Это значило бы лишь то, что он сам перестал быть человеком.

Симон Визенталь. Подсолнух

СЕЙДЖ

Во второй четверг месяца миссис Домбровская приносит на занятия по групповой терапии своего усопшего мужа.

Еще только начало четвертого, и большинство из нас как раз наполняют картонные стаканчики плохим кофе. Я принесла целое блюдо выпечки — на прошлой неделе Стюарт признался мне, что продолжает ходить в «Руку помощи» не ради сеансов терапии, а ради моих кексов с ирисом и орехами, — и как раз ставлю угощение на стол, когда миссис Домбровская робко кивает на урну, которую держит в руках.

— Это Херб, — говорит она мне. — Херб, познакомься с Сейдж. Я тебе о ней рассказывала. Она пекарь.

Я замираю, наклоняю голову к плечу, как делаю обычно, чтобы волосы упали на левую половину лица. Уверена, что существует некий протокол знакомства с супругом, которого уже кремировали, но я пребываю в полной растерянности. Я должна поздороваться? Пожать ручку урны?

— Ого, — наконец произношу я, поскольку в нашей группе правил мало, но те, что есть, незыблемы: быть благодарным слушателем, никого не судить, не ограничивать стремление другого быть несчастным. Мне ли не знать этих правил? В конце концов, я уже три года посещаю эти занятия.

— Что ты принесла? — спрашивает миссис Домбровская, и я понимаю, почему она держит урну с прахом своего усопшего мужа. На последнем занятии наш куратор, Мардж, предложила поделиться воспоминаниями о том, что мы потеряли. Я вижу, что Шайла так крепко вцепилась в пару вязаных розовых носочков, что костяшки пальцев побелели. Этель держит пульт от телевизора. Стюарт принес — в очередной раз! —

бронзовую маску, сделанную со слепка лица его первой, умершей, жены. Маска уже несколько раз появлялась на наших занятиях, и до сего момента мне казалось, что это самая жуткая вещь, которую мне доводилось видеть, — пока миссис Домбровская не принесла с собой Херба.

Я не успеваю ничего пролепетать в ответ, потому что Мардж просит нас рассестся. Мы ставим складные стулья в круг, достаточно близко друг от друга, чтобы похлопать по плечу соседа или протянуть руку помощи. В центре стоит коробка с салфетками — Мардж приносит их каждый раз, так, на всякий случай.

Обычно Мардж начинает с глобального вопроса «Где ты был 11 сентября 2001 года?». Люди начинают говорить о всеобщей трагедии, иногда после этого им становится проще поделиться собственной бедой. Но, несмотря на это, есть те, которые молчат. Иногда проходит несколько месяцев, прежде чем я узнаю, как вообще звучит голос нового участника наших занятий.

Однако сегодня Мардж сразу спрашивает о вещах, которые мы принесли с собой. Руку поднимает Этель.

— Это пульт Бернарда, — говорит она, потирая большим пальцем пульт от телевизора. — Я хотела, чтобы он исчез, — одному Богу известно, сколько раз я пыталась его отобрать. У меня и телевизора-то больше нет, к которому подходил этот пульт. Но, похоже, я не могу его выбросить.

Муж Этель жив, но страдает болезнью Альцгеймера и понятия не имеет, кто она. Люди переживают разные утраты — от маленьких до больших. Можно потерять ключи, очки, девственность. Можно потерять голову, сердце, разум. Можно остаться без дома и переехать в дом престарелых, или ребенок может переехать за море, или у тебя на глазах вторая половинка может тонуть в бездне слабоумия. Утрата — нечто большее, чем просто смерть, а горе придает эмоциям сероватый оттенок.

— Мой муж не выпускает из рук пульт управления телевизором, — говорит Шайла. — Уверяет, что поступает так потому, что женщины уже прибрали к рукам все остальное.

— На самом деле это инстинкт, — возражает Стюарт. — Часть мозга, отвечающая за территориальное деление, у мужчин больше, чем у женщин. Я слышал это в передаче Джоша Теша.

— И поэтому это высказывание становится нерушимой аксиомой? — Джоселин закатывает глаза. Как и мне, ей нет и тридцати. Но в отличие от меня, ей не хватает терпения при общении с теми, кому за сорок.

— Спасибо, что поделилась своими воспоминаниями, — говорит Мардж, тут же вмешиваясь в спор. — Сейдж, а ты что сегодня принесла?

Я чувствую, как горит щека, когда взгляды присутствующих обращаются ко мне. Несмотря на то что я знаю всех в группе, несмотря на то что мы создали круг доверия, для меня все еще мучительно открываться под их испытующими взглядами. Кожа на моем шраме — морская звезда на левом веке и щеке — натягивается сильнее, чем обычно.

Я встряхиваю волосами, чтобы они упали налево, и достаю из-за пазухи цепочку, на которой висит мамино обручальное кольцо.

Конечно, я знаю почему — спустя три года после маминой смерти! — каждый раз, когда я вспоминаю ее, словно меч вонзается между ребер. Именно поэтому я единственная из первого состава группы продолжаю посещать сеансы терапии. Если большинство людей приходят за терапией, я пришла за наказанием.

Руку поднимает Джоселин.

— Это меня напрягает.

Я становлюсь пунцовой, думая, что это обо мне, но потом понимаю, что она не сводит глаз с урны на коленях миссис Домбровской.

— Это омерзительно! — восклицает Джоселин. — Предполагалось, что мы принесем с собой воспоминание, а не что-то мертвое.

— Он не что-то, а кто-то, — поправляет миссис Домбровская.

Літературно-художнє видання

ПІКОЛТ Джоді
Уроки милосердя

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. О. Григор'єва*
Редактор *Н. С. Дорохіна*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *К. В. Озерова*

Підписано до друку 07.02.2014. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 27,72. Наклад 15 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ВАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, м. Харків, вул. Енгельса, 11.
Свідоцтво ДК № 2891 від 04.07.2007 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ПИКОЛТ Джоді
Уроки милосердия
Роман

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *О. О. Григорьева*
Редактор *Н. С. Дорохина*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Вережкин*
Корректор *Е. В. Озерова*

Подписано в печать 07.02.2014. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 27,72. Тираж 15 000 экз. Зак. №

ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”»
308025, г. Белгород, ул. Сумская, 168

Отпечатано в ОАО «Харьковская книжная фабрика “Глобус”»
61012, г. Харьков, ул. Энгельса, 11
Свидетельство ДК № 2891 от 04.07.2007 г.
www.globus-book.com

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

141008 г. Мытищи, ул. Колпакова, д. 26, корп. 2

Тел./факс +7 (495) 984-35-23

e-mail: office@bmm.ru

www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

«Книжный Клуб»

«Клуб Семейного Досуга»

61140, г. Харьков-140, пр. Гагарина, 20-А

тел/факс +38 (057) 703-44-57

e-mail: trade@bookclub.ua

www.trade.bookclub.ua

Киевский филиал

04073, г. Киев, пр. Московский, 6, комн. 35,

тел. +38 (067) 575-27-55

e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесский филиал

65017, г. Одесса, ул. Малиновского, 16-А, комн. 109

тел. +38 (067) 572-44-28

e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88

e-mail: support@bookclub.ua

Интернет-магазин: www.bookclub.ua

«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 78-25-25

e-mail: info@ksdbook.ru

Интернет-магазин: www.ksdbook.ru

«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Сейдж — самотня відлюдькувата дівчина, її єдиний друг — літній вчитель Джозеф Вебер. Якось Джозеф просить дівчину... вбити його! Він відкриває їй жахливу таємницю — замолу до він служив у військах СС.

Бабуся Сейдж, Мінка, пройшла через жахи Освенціму. Вона потайки збирала фотографії в'язнів, а на зворотах записувала свій роман. Вижила вона тільки завдяки тому, що німецький офіцер захотів дізнатися його продовження...

Пиколт Дж.

П32 Уроки милосердя : роман / Джоди Пиколт ; пер. с англ. И. Пannenko. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2014. — 528 с.

ISBN 978-966-14-6791-9 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2829-5 (Россия)

ISBN 978-1-4391-0276-3 (англ.)

Сейдж — одинокая нелюдимая девушка, ее единственный друг — пожилой учитель Джозеф Вебер. Однажды Джозеф просит девушку... убить его! Он открывает ей чудовищную тайну — в молодости он служил в войсках СС.

Бабушка Сейдж, Минка, прошла через ужасы Освенцима. Она тайком собирала фотографии узников, а на оборотах записывала свой роман. Выжила она лишь благодаря тому, что немецкий офицер захотел узнать его продолжение...

УДК 821.111(73)

ББК 84.7США

ОТ АВТОРА № 1 В США!

*Ее романы переведены на 34 языка
и изданы в 35 странах!*

Заседание суда. Обвиняемый — священник, совративший ребенка. Грохот выстрела. Подсудимый со стоном падает...

Нина, мать несчастного ребенка, решила сама вершить правосудие, но оказалось, что ее жертвой стал невинный. Неужели она совершила роковую ошибку? Как жить с чувством вины? Простят ли ее муж и сын? Нина в отчаянии, она готова на все, чтобы вернуть в семью покой. Однако это невозможно — ведь настоя-

щий преступник так и остался безнаказанным.

Кто отомстит за изломанную жизнь ребенка и ее искалеченную судьбу? Нина не догадывается, на что способны истинная любовь и преданность...

Люк, всю жизнь посвятивший изучению волков, предпочитал собственной семье волчью стаю. Жена и сын Эдвард, которым нужен был муж и отец, а не вожак, просто сбежали. Дочь Кара продолжала общаться с отцом, пока они вместе не попали в аварию... Шансы Люка выйти из комы очень невелики, и кто-то должен принять решение: искусственно поддерживать в нем жизнь или позволить умереть. Кара верит в чудо. Вернувшийся Эдвард настаивает на отключении систем жизнеобеспечения. Неужели им движет жажда мести? И на что готова пойти сестра, чтобы остановить его?

